

Хроники Сиалы

КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

Хроники Сиалы

АЛЕКСЕЙ
ПЕХОВ

КРАДУЩИЙСЯ
В ТЕНИ

РОМАН

Москва, 2011
АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.

П23 Крадущийся в тени: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 509 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0726-2

Вор и герой — понятия несовместимые? Как бы не так! Когда приходится делать нелегкий выбор между топором палача и Заказом на небольшую прогулку в мрачные могильники эльфийских лесов, трезвомыслящие люди выбирают топор палача, а герои, такие, как Гаррет, решают бросить кости и, надеясь, что выпадут шестерки, рискнуть.

Ведь всего-то надо пробраться в заброшенную башню Ордена, надуть парочку злобных демонов, избавиться от наемных убийц, подставить воровскую гильдию, выйти из десятка кровавых стычек... ну и доехать до этих тьмой проклятых могильников вместе с небольшим отрядом отчаянных королевских рубак. Стоит ли говорить, что такой Заказ просто невозможно выполнить?

УДК 82-312.9(02)
ББК84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0726-2

© Пехов А. Ю., 2002
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

Глава 1

НОЧЬ

Ночь — лучшее время для таких, как я. Я выхожу на улицу, когда обычные люди уже давно спят в теплых постелях, и даже запоздавшие пьянчуги стараются переночевать в тавернах, не решаясь выбираться в непроглядную городскую темень.

Ночь. Тишина. Лишь шаги патрулей городской стражи гулким эхом разбиваются о стены старых домов, а затем разносятся по темным, умершим до утра улицам Авендума.

Солдаты идут быстро и торопливо, едва ли не вприпрыжку, в самых темных переулках срываясь на бег. Ребята боятся нарваться на неприятности, и я вполне понимаю наших нахрабрейших служителей закона. Нет, они не страшатся людей — безумцев, набравшихся достаточной наглости, чтобы броситься на блюстителей закона, ждут тяжелые алебарды. Они опасаются другого. Есть иные существа, скрывающиеся в тени каменных зданий. Те, кто выползает в это беспокойное время на ночную охоту. И Сагот помощи страже, если эти твари слишком голодны.

Ночная тень является убежищем для всех: мирных жителей, в страхе прячущихся от опасных людей; ворюг, желающих поскорее почистить кошельки добропорядочных горожан; грабителей, только и ждущих, как бы пустить в ход ножи; ну и демонов, разумеется, которые живут в этой самой тени и с удовольствием охотятся и на тех, и на других, и на третьих.

К счастью, с демонами, появившимися в городе после того, как Неназываемый и его многочисленные прихво-

стни зашевелились после веков покоя в Безлюдных землях, я ни разу не встречался. Потому и жив.

Шаги стражников, недавно прошедших мимо меня, затихли на соседней улице.

По приказу барона Фраго Лантэна, начальника городской стражи Авендума, все патрули усилены втрое. То, что сдерживало Неназываемого в Безлюдных землях, слабеет, и он скоро ворвется в наш мир из покрытой вечными снегами ледяной пустыни. Война близится, как бы Орден магов и многочисленные жрецы храмов ни пытались ее оттянуть. Это вопрос времени. Полгода, ну, может быть, год — и настанет то, чем так пугали нас в детстве. Неназываемый соберет армию, придет из-за Игл Стужи, и начнется ужас... Даже здесь, в столице, можно нарваться на осмелевших приверженцев Неназываемого. И я не уверен, что Дикие Сердца у Одинокого Великана смогут сдержать полчища огров и великанов...

Меня вновь не заметили. Спасибо ночной тени. Тень — моя подруга, моя любовница, моя напарница. Я прячусь в ней, я живу с ней, и только она всегда готова принять меня, спасти от стрел, от злобно сверкающих в лунной ночи клинков и кровожадных золотых глаз демонов.

Как говорит добрый жрец Сагота брат Фор: «Тень — родная сестра тьмы». А от тьмы недалеко и до Неназываемого.

Полная чушь! Неназываемый и тень? Абсолютно разные вещи. Это все равно что сравнивать огра и великана. Тень — это жизнь, свобода, деньги, власть и репутация. Уж Гаррет-тень знает об этом не понаслышке. Тень появляется только тогда, когда существует хотя бы крупица света, так что сравнивать ее с тьмой по меньшей мере глупо. Но моему старому учителю я, естественно, этого не говорю. Яйца курицу не учат.

Тихо. Так тихо, что слышно, как мотыльки цепляются хрупкими крылышками за ночную прохладу. Стража давно прошла, мне уже давно пора отправляться по своим делам, но я сегодня что-то слишком осторожничаю...

Предчувствие заставляет меня задержаться в укрытии, возле стены здания, погруженного во мрак.

На узкой ночной улочке с каменными домами, заставшими еще Тихие времена, не раздавалось никаких подозрительных звуков. Лишь поскрипывала от слабого ветерка жестяная вывеска над лавкой булочника. Ленивый серо-желтый ночной туман, которым славится наша столица, застилал мощенную грубым камнем и избитую телегами мостовую. Говорят, туман — фокус какого-то волшебника-недочки из далекого прошлого. Однако от его невинной шалости все архимаги королевства не могут избавиться и поныне.

Тишина тревожит меня. Так тихо бывает только в склепе богатея, после того как его навестила стая мелких городских воришек.

Скрипит вывеска, гуляет ветерок, неторопливо плывут облака по ночному небу. Но я все еще стою, слившись с тенью здания и стараясь не шевельнуться. Интуиция и мой житейский опыт заставляют меня вслушиваться в безмолвие ночного города. Ни одна, даже пустынная, улица не может быть настолько мертвой.

В ночи должны быть звуки. Шуршащие в мусоре крысы. Храпящий тут же пьяница, карманы которого уже успели почистить мелкие воришки, прежде чем забиться ночевать в какую-нибудь щель. Храп из окон седых домов. Крадущаяся в темноте грязная собака. Тяжелое дыхание новичка-разбойника, поджидающего жертву и сжимающего нож в потной от волнения ладони. Шум в лавках и мастерских — даже по ночам в некоторых из них продолжается кропотливая работа. Ничего этого не было на темной узкой улочке, укутанной пеленой тумана. Ничего, кроме тишины, мрака и сгущающейся опасности.

Ветерок загулял сильнее, загудел в крышах старых зданий, и тяжелые серые облака понеслись по небу, словно стадо больших пушистых овец. Беспечный гуляка-ветер ласково взъерошил мне волосы, но я не посмел накинуть капюшон. Чья-то требовательная рука удержи-

ла меня на месте, как бы говоря: стой, обожди, еще не время.

Сагот! Что же происходит на тихой темной улочке ремесленников?!

Словно отвечая на мою молитву, славный бог всех воров дал моим ушам больше чуткости.

Шаги. Торопливые шаги человека, которые не смог приглушить даже расползающийся серо-желтой накипью туман. В соседней выемке, расположенной в стене здания напротив, я заметил мимолетное колебание тьмы.

Кто-то еще решил спрятаться?

Я всмотрелся в чернильную ночь. Нет. Показалось. Слишком волнуюсь в ожидании несуществующих неприятностей. Старею, наверное.

Между тем шаги становились все громче и громче. Их звук доносился с улицы, куда несколько минут назад свернула городская стража. Я замер и постарался слиться с тенью. Опасность кружила надо мной ленивым призраком.

Из-за поворота показался мужчина и быстрым шагом, переходящим в бег, направился в мою сторону. Дурак или храбрец, раз один шастает в темноте? Скорее всего, первое. Храбрецы долго не живут в нашем мире. Хотя дураки тоже, если только они не шуты нашего славного короля.

Какое неотложное дело заставило его выйти на ночную улицу, где даже масляные фонари не горят?

Незнакомец приближался. Высокий, хорошо, можно сказать богато, одетый, рука лежит на рукояти приличного меча.

Облака вновь напоззли на небо, закрыв собой звезды, и к полной тьме добавилась тьма кромешная. Я даже не смог разглядеть лица незнакомца, когда он поравнялся со мной. Хотя он был так близко, что если бы я захотел, то протянул руку и снял у него с пояса пузатый кошелек. Но я не мелкий карманник, чтобы падать так низко — времена бурной молодости давно канули в про-

шное, да и чутье подсказывало, что сейчас не стоит не то что дергаться, а даже глубоко дышать.

В нише напротив тьма вновь пришла в хаотическое движение, вскипая и клубясь черным цветком смерти, и я замер, леденея от ужаса. Из тьмы вырвалась Тьма, приняв обличье крылатого демона с рогатой головой-черепом и, словно лавина с Гор карликов, упала на жертву, придавив своим внушительным весом.

Человек издал вопль раненой кошки, попытался схватить бесполезный меч, но тьма смяла, всосала, поглотила ночного путника, и существо, кем бы оно ни было, взмыло в небо, унося с собой свежее мясо, а может, и душу. Угольно-черный силуэт на миг промелькнул перед моими глазами и исчез.

Я медленно сполз по стене, стараясь успокоить дыхание. Сердце колотилось, точно бешеное.

Демон не заметил меня, хотя я все это время находился прямо напротив. Но если бы я шевельнулся! Если бы всего лишь задыхал чуть громче... Это я стал его легкой добычей.

Повезло. В очередной раз мне очень повезло. Удача вора — женщина капризная, в любой миг может отвернуться, но, пока она со мной, я могу заниматься своим ремеслом.

В темном углу соседнего здания тихо пискнула крыса, за ней другая. В небе, охотясь за припозднившимися июньскими мотыльками, пролетела летучая мышь. Опасность миновала, можно продолжать путь. Я отделился от стены и, стараясь держаться наиболее темных участков улицы, двинулся дальше.

Быстрым шагом, не издавая сапогами ни единого звука, я перебежал от здания к зданию, из тени в тень. Улица Пекарей осталась позади, я свернул в переулок направо. Здесь туман был гуще, он обнял меня мягкими лапами, заглушил шаги, скрыл от глаз людей и нелюдей.

В тени по соседству раздалось шушуканье. Я замер, всматриваясь в серо-желтую мглу. Грабители. Молодые. Поджидают ночного гуляку или готовятся почистить спящих горожан? Сосунки. Слишком шумят, слишком

неопытны. Опытные чистильщики переговариваются жестами.

Я проскользнул рядом с ними, но ворюшки не заметили меня. Тень в тени сложно увидеть неопытному глазу. Возникло дурацкое детское желание выскочить из тумана и громко сказать «Бу!» им в лицо. Но не до шуток. Нечего пугать молокососов. К тому же можно нарваться на нож.

Темный переулочек кончился, и нависшие мрачные стены домов, выдавших в этом мире и радость и горе, резко разошлись в стороны. Ветер разогнал тучи, и небо превратилось в скатерть, по которой богатеи рассыпал монеты. Сотни и тысячи звезд замерцали мне этой холодной летней ночью.

На большой площади Грока горели одиночные фонари. Как-никак она была одной из центральных, и фонащикам, несмотря на страх, приходилось выполнять свою работу. Пламя, закованное в стеклянные колпаки, разбрасывало вокруг себя пятна дрожащего света, и хаотичные тени молчаливо плясали на стенах угрюмых домов.

Это плохо, надеюсь, что погонщик-ветер снова приведет серых пушистых овец на небо, а пока придется держаться тени, жмущейся к стенам высоких зданий. Она стала бледной и пугливой от вездесущего света.

Сам Грок безмолвно смотрел на меня всевидящими глазами. Кажется, он был полководцем, спасшим наше королевство от нашествия орков, или каким-то королевским советником в далекую седую старину. Но теперь высокий человек в плаще уже которую сотню лет служил лишь бронзовым памятником, стоя на тумбе посреди мелкого круглого бассейна. А сразу за постаментом находилась цель моей ночной прогулки. Большой дом, окруженный высокой зубчатой стеной, сложенной из огромных каменных блоков, добытых в Горах карликов во времена, когда эта раса еще была дружна с нашим королевством. По мне, так это строение — полная безвкусица, но кронгерцогу Патину, живущему здесь, вряд ли интересно мое мнение. Кузен короля, ответственный за казну — важная шишка, поэтому на его причуды в архи-

текстуре закрывали глаза. Правда, были у Его Светлости гораздо более серьезные грехи вроде любви к молоденьким мальчикам, но об этих маленьких слабостях умные люди старались не распространяться, чтобы в один прекрасный день не обнаружить у себя под лопаткой нож.

Король терпел причуды родственничка. Но, по слухам, недавно он недосчитался в казне кое-каких денег. Значит, в скором времени должны полететь головы, так как Его Величество не очень-то благоволит к людям, тратящим государственные деньги направо и налево.

Высокую стену дома с двух сторон подпирали две башни со срезанными вершинами. В левой располагались семярядовые ворота с тяжелыми деревянными створками, обитыми листовым железом. В них свободно могли бы въехать в ряд четыре всадника. Но этот парадный вход — только для приглашенных гостей, и мне лучше не думать о нем.

Я быстро перебежал освещенную площадь и укрылся в тени колонн Королевской библиотеки — места паломничества магов Ордена и историков. Иногда даже дворяне приходили сюда набраться ума, хотя чаще всего господы предпочитали отправляться учиться сразу в Раненг — город знаний.

Из моего укрытия жилище герцога было как на ладони. Казалось, что дом вымер. Стражников не видно ни у ворот, ни на стенах. Небось сидят в караулке и стучат зубами. Я их вполне понимаю, сам бы спрятался в своей берлоге, если бы не Заказ. Он свалился на меня неожиданно-негаданно. Один человечек сделал предложение, от которого я не смог отказаться. Его интересовала некая редкая вещица в коллекции герцога. Платили отлично, и всего-то было нужно войти в дом, взять безделушку и выйти. Ничего сложного, особенно если учесть, что Его Светлость уехал со свитой охотиться на оленей в пригородные леса, и домашней челяди в замке будет крайне мало.

Риск растревожить осиное гнездо, конечно, велик. Но когда осы поймут, что к чему, меня уже давно не будет.

Я внимательно ощупал снаряжение и одежду, в который раз за ночь проверяя, взял ли с собой все необходимое, чтобы осуществить задуманное. Темно-серая куртка с капюшоном, серые перчатки, черные брюки и сапоги. Большой обоюдоострый нож, хорошо зафиксированный на бедре двумя кожаными ремешками, чтобы не мешал двигаться. В свое время я отдал за него кучу золотых. Чуть меньше локтя в длину, почти короткий меч — окантовку лезвия клинка покрывала серебряная полоска, и при желании можно было рискнуть и затеять драку даже с восставшим после смерти. Мне вполне могло повезти в такой схватке, и я ушел бы пусть с оторванной рукой, но живой. Этим же ножом, а точнее его тяжелой рукоятью, можно с легкостью лишить сознания любого попавшего под ноги идиота, которому не спится по ночам. Не тот мастер-вор, кто режет горло страже, поднятой по тревоге, а тот, кто бесшумно пришел, взял вещь и так же тихо ушел, оставив после себя как можно меньше следов, а следовательно, и трупов.

За спиной у меня висел миниатюрный легкий арбалет, свободно помещающийся в одной руке и несколько не стесняющий движений. Он стрелял короткими толстыми болтами с четырехзубыми стальными наконечниками, и при должном умении из этого малыша можно попасть в глаз человеку с семидесяти шагов.

В висящей на поясе маленькой мягкой сумке из телячьей кожи, лежало несколько пузырьков на самый крайний случай. Знакомый торговец-карлик содрал за них все деньги, добытые мной при грабеже на приеме в доме у одного городского повесы. Однако эффективность магических штучек вполне оправдывала ту цену, которую я заплатил.

Все. Больше тянуть нельзя. Стараясь все время держаться стены здания библиотеки, я устремился к дому герцога. Если бы кому-то вздумалось посмотреть со стены, то он бы увидел только серые камни и туман, разорванный ветром, играющим в пятнашки с тенями на площади. Зубчатая серая стена мелькала перед глазами размытым пятном. А вот и маленькая, почти непримет-

ная для уличных прохожих, серая железная калитка для слуг, ведущая в святая святых Его Светлости.

Как назло, напротив горел фонарь и я был словно на ладони Сагота. Свет падал на стену, и тени здесь не было абсолютно. По счастью, улочка оказалась пуста, а патруль должен пройти здесь только через пару минут. Так что успею.

Я извлек из-за пояса набор отмычек, сделанных карликами по моему персональному заказу. Это только рядовые обыватели думают, что мастером-вором быть легко и дешево. Вранье. Чтобы что-нибудь серьезное украсть, самое главное — снаряжение (об опыте и таланте я скромно умолчу, так как без него много не наворишь).

Самозабвенно копаясь отмычкой в дверном замке, я постарался нащупать пружину. Ага! Тихо щелкнуло. Первый рубеж обороны преодолен.

Тут как назло в начале улочки раздалось цоканье лошадиных копыт, и я заработал быстрее.

Щелчок. Второй секрет. Я отчаянно вращал отмычкой, стараясь нащупать последнюю пружину. Проклятый замок карликов! Умеют, недомерки, делать!

Все! Время вышло!

Выдернув отмычку из щелкнувшего замка — все пружины встали на свои места — я бросился на противоположную сторону извилистой улицы. В спасительную тень.

И вовремя.

Из-за поворота появились всадники. Двое, трое, пятеро, семеро. Ого! Тринадцать! Счастливое число! Наездники на высоких конях доралисской породы. Темные силуэты на сером фоне ночи. Я присел, натянул капюшон на лицо и прищурился, надеясь, что глаза не блеснули в свете звезд.

Десять воинов были облачены в серо-синие мундиры королевской гвардии. Одиннадцатый... оказался женщиной, лицо которой скрывала плотная вуаль. Двое мужчин, ехавших по обе стороны от нее, прятали лица под капюшонами плащей.

Когда они проезжали мимо меня, одна из лошадей всхрапнула и потянулась в мою сторону, но стражник дернул поводья, и путники двинулась дальше. (Интересно, что делают гвардейцы короля и неизвестная дама на ночной улице? Не мое дело. Дольше проживу, а то найдут Гаррета-тень с перерезанным горлом в Холодном море.)

Сразу за странной кавалькадой, с интервалом в три минуты, проскакал еще один отряд. Одежда на них была обычная, а не серо-синяя, зато у замыкающего я заметил на рукаве пурпурную нашивку.

Ого! Дикие Сердца. Эти-то каким образом оказались так далеко от Одинокого Великана?

Я подождал, пока всадники скроются на другой улице, выждал несколько минут и снова направился к калитке.

Двор был тих, темен и пустынен. В гнездышке герцога горели только два окна: на кухне и под крышей. Съежившаяся от ночной прохлады трава полностью глушила мои шаги. Эта июньская ночь оказалась слишком холодна для сверчков, так что во внутреннем дворике повисла тяжелая длань тишины.

Вот и дверь на кухню. Дрожащее, робкое пламя факела коптило стену возле входа. Я мягко повернул бронзовую дверную ручку и оказался внутри.

Однако! Они тут с ума посходили, если не запираются на ночь?! Совсем герцог слуг распустил. Надеюсь, что после сегодняшней ночи и последующего за ней нагоняя они будут более прилежны.

Печи и каминны кухни давно остыли. На столах было полно грязной посуды, а прямо на полу спал маленький поваренок. Я остановился в уголке и стал сверяться с планом, который находился у меня в самом надежном месте — в голове. Вон та дверь приведет меня в обеденный зал с высокой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж. Но не стоит рисковать, есть обходной путь. Дубовая дверь справа ведет в крыло слуг, из которого я

могу попасть на второй этаж, минуя охрану. Правда, стражники, насколько я знаю эту породу, давно спят, час поздний, но все же нарываться не стоит.

Я аккуратно (под ногами скрипел разохшийся пол) двинулся вперед. Факелы в полутемном коридоре горели через один. За дверью слева раздавался храп здорового и довольного жизнью человека. Этот точно стражник — только они могут быть столь беззаботны.

Посмеиваясь, я двинулся дальше.

Вперед! И тихо! Главное не спешить.

Коридор повернул, я проскользнул за угол и столкнулся нос к носу с бородатым увальнем.

— Привет! — сказал я прежде, чем он успел опомниться, и что есть сил вмазал ему кулаком в живот, а когда парень согнулся, добавил ребром ладони по шее.

Слава Саготу! Этот дуралей не успел заорать. На всякий случай я добавил ему еще немного, затем подхватил бесчувственное тело и потащил вперед. Нечего ему здесь валяться, а то найдет еще какой-нибудь лунатик, поднимет тревогу, и мне будет ничуть не лучше, чем гоблину, попавшему в лапы орков.

Держа парня под мышки, я осторожно толкнул ближайшую дверь. Пусто. Чудесно! Сунув бесчувственного незнакомца в шкаф, я аккуратно вышел. К утру оклемается, а если умен, то еще и будет молчать, иначе на него посыпятся все шишки.

Отлично! Я добрался до лестницы, ведущей из крыла слуг к герцогским апартаментам. Подняться по ней было делом одной минуты, и вот уже передо мной тяжелые дубовые створки двери в крыло герцога. Естественно, заперто, но это уже дело техники.

Коридор, как и все здание, был мрачен и пуст. Но я увидел, что здесь начинается коварный пол из мраморных исилийских плит, на которых шаги становились естественно громкими и звонкими. Даже глухой на другом конце города услышит. А мне нужно было пройти весь коридор — до спальни в самом конце.

Проклятье! Если бы я умел летать!

Но я не умел. Поэтому пришлось применить все отпущенное мне Саготом мастерство, чтобы не шуметь.

За спиной раздалось угрожающее рычание. Я вздрогнул. Замер, не донся ногу до черно-белой мраморной плитки, и осторожно повернул голову, ожидая увидеть тридцать три тысячи демонов тьмы... К счастью, их там не было. Всего лишь один гарринч, сверлящий меня безумными белесыми глазами.

Внутренне я похолодел. Жулик Гозмо, вручая мне Заказ, ничегошеньки не сказал про то, что в доме герцога живет такая тварь. Вот я вляпался!

Гарринчи обитали далеко на юге, в степях Унгавы, почти на границе с жарким Султанатом. Эти существа великолепные сторожа, особенно от таких парней, как я. Добыть живого детеныша гарринча непомерно трудно, почти невозможно, поэтому их цена просто невероятна. Говорят, сокровищницу короля охраняют две такие твари.

Гарринч больше всего походил на огромную, размером с отъевшегося теленка, крысу, покрытую змеиной чешуей вместо шерсти, с великолепным набором зубов, способных распилить рыцаря в броне, и двумя белыми глазами-буркалами. Убить его, если, конечно, вы не маг, крайне сложно. Фыркнув, он вопросительно-настороженно уставился во мрак, где я изволил спрятаться. И мне оставалось лишь молиться Саготу, чтобы тот защитил своего скромного слугу.

Я потихоньку обливался потом. Гарринч продолжал соображать. Подумав с минуту, зверь еще раз зарычал. Он чувствовал подвох, но не понимал, куда я мог деться, поэтому пытался меня испугнуть.

Как же! Нашел дурака!

Наконец, не дождавшись ужина, тварь медленной ко-солапой походкой направилась в сторону открытой двери, ведущей в крыло слуг. Как я понимаю, обычно вход в их помещение заперт еще и для того, чтобы тварь, которую, выпускают для охраны этажа, никого не съела. Но я беспечно оставил дверь распахнутой. Вот будет утром

потеха, когда кто-то недосчитается парочки стражников!

Я еще раз перевел дух и убрал палец со спускового крючка арбалета. Пронесло. Но надо быть настороже, тварь в любой момент может вернуться.

Из-под двери спальни герцога выбивался тоненький лучик света. Странно. Неужели там кто-то есть?

Я поднес ухо к замочной скважине.

— Чушь! Я верен Хозяину! — раздался резкий визгливый голос.

Герцог? Какой тьмы он дома, а не на охоте?!

— Верен? — От этого голоса по моему телу пробежали мурашки. В нем не было ни капли жизни. Могильный холод вперемешку со злой насмешкой. — Странно. Если это так, то почему же король до сих пор не бросил дурацкую затею с Рогом?

— Это все его проклятая гвардия и Алистан Маркауз! Король под присмотром круглые сутки! Капитан что-то подозревает! Я не могу поговорить с Его Величеством наедине!

— Мой Хозяин не привык, когда его приказы не выполняются. — А я не привык к тому, что мне не дают то, что уже давно обещали! — Человек сорвался на крик. — Вы подлые лживые ублюдки! Я больше не желаю иметь с вами никаких дел.

— Хорошо. Сейчас ты получишь свою плату, — чуть помедлив, словно вслушиваясь в только ему понятный приказ, произнес мертвый голос.

— Постой, постой, я пошут... А-а-а-а!!!

За дверью раздалось мерзкое хлопанье, затем что-то упало, и хлопнули распахнувшиеся ставни.

Я тихо выругался и осторожно заглянул в спальню герцога.

Огонь в камине тускло трепетал. Дрожащее пламя не могло осветить гигантское помещение спальни и выхватывало лишь отдельные участки, но я прекрасно видел застывшего в высоком красном кресле герцога Патину с искаженным от ужаса лицом и разорванным горлом. Из

рванной раны веселыми толчками ритмично вырывалась кровь.

На открытом окне я заметил темный крылатый силуэт ночного гостя. На миг я встретился с желтыми глазами, смотрящими на меня с холодной насмешкой и превосходством самой смерти, а затем мой палец сам нажал на спусковой крючок. Тетива сухо щелкнула, и тяжелый арбалетный болт ударил в спину спрыгнувшей с окна и уже расправившей крылья твари. Раздался тупой удар, как будто сталь карликов попала не в живое тело, а в мокрый ствол дерева. Существо беззвучно растворилось в ночи. По-моему, его нисколько не расстроил болт в спине.

Пора делать ноги. Герцогу уже ничем не поможешь, а если застукают рядом с телом, то на меня повесят убийство. За подобным преступлением против короны следуют долгие разговоры в пыточных подвалах Серых камней. Я подлетел к полкам, схватил нужную мне золотую статуэтку собаки, и бегом устремился к двери.

В начале коридора вновь появился гарринч. Мы увидели друг друга одновременно.

Тварь радостно взревела и огромными скачками ринулась к новоявленному ужину. Я, не останавливаясь, закинул арбалет за спину и, сунув руку в сумку, выудил флакон с синей фосфоресцирующей жидкостью. В нашем деле главное — хладнокровие. Когда гарринчу оставалась до меня пара прыжков, я выплеснул флакон прямо в его оскаленную морду.

Физиономию твари окутало синее облачко. Гарринч резко остановился, удивленно чихнул, а затем, напрочь забыв обо мне, стал усиленно и ожесточенно тереть морду передними лапами. Я со всей возможной скоростью пробежал мимо него, в душе пожелав мерзкой твари избавиться от волшебной чесотки лет эдак через двести — триста.

Завтра весь город будет бурлить, и мне не нужно лишнее внимание.

Миниатюрный дом-дворец ныне покойного герцога маячил за моей спиной. Как только получу деньги, на

пару месяцев лягу на дно. Я выполнил Заказ и теперь направлялся к себе в берлогу, молясь Саготу, чтобы никого не встретить на обратной дороге...

Глава 2 НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

Вечерние сумерки упали на оживленный Авендум, заставляя горожан пошевеливаться. Люди и нелюди спешили, стараясь закончить все дела до наступления ночи. Поэтому в узеньких тесных кварталах и извилистых улочках Портового города горожане торопились провести с пользой каждую минуту, перед тем как темнота разгонит их по домам.

Вот суетливо пробежали женщины, крепко прижимая к себе корзинки с нераспроданной снедью. Вот с гиканьем и свистом, взметая грязь, пронеслась пара молодых, в стельку пьяных дворян на горячих конях, заставляя прохожих вжиматься в стены и гневно грозить всадникам кулаком в спину. Вот толстый лавочник отвесил подзатыльник мальчишке-подмастерью, чтобы тот порасторопнее закрывал ставни лавки, а не глазел на городских стражников, печатающих шаг по грубой каменной мостовой.

Один из солдат бросил на меня хмурый взгляд из-под своего шлема. Я радостно ему улыбнулся, стараясь показать: смотри, мол, какой я вежливый и мирный человек. Стражник буркнул себе под нос что-то нелицеприятное на мой счет, покрепче сжал в руке алебарду и направился прочь. Я ухмыльнулся.

Стража Портового города на все закрывает глаза, даже на человека, из-под плаща которого выпирают очертания арбалета — оружия, если честно, обычным гражданам в черте города запрещенного. Обрати на меня внимание охрана города Внутреннего, и я бы обычной улыбочкой не отделался. Минимум две золотые монеты, чтобы служители порядка и справедливости забыли мое лицо до следующей встречи.

Я тут все говорю — Внутренний город, Портовый город. Все эти названия сможет понять только житель Авендума, протянувшего щупальца улиц и кварталов на огромную территорию.

Так уж исторически сложилось, что столица возникла на берегу Холодного моря, на севере королевства Валиостр. С высоты полета дракона город похож на огромный треугольник. Своим основанием он упирается в свинцово-серое и суровое Холодное море, две другие стороны обнесены высокой угрюмой стеной, в которой через равные промежутки стоят мощные сторожевые башни.

Имеется восемь городских ворот — на двух сторонах треугольника по четыре, а с моря город закрыт от врага мощным фортом, в котором поставлены пушки извечных врагов карликов — гномов. Гномам не очень-то нравится море, но любовь к золоту у них оказалась сильнее, чем нелюбовь к соленой воде. И теперь форт надежно защищает Авендум с моря, и мирануэхцы уже не решаются напасть на своих корытах на вооруженную пушками серую громадину.

Говорят, в трех штурмах столицы, которые случались за последние триста лет, ни одни ворота еще ни разу не пали.

Вот только неизвестно, что будет, если армия Неназываемого, расправляющая плечи и выходящая из многовекового самозаточения в Безлюдных землях, попробует сейчас нашу столицу на свой огрский и великанский зуб? Да и ребята из Рачьего герцогства сидеть тихо не станут и помогут в этом нашим врагам обязательно. Ну что же, поживем — увидим. Я никуда не спешу, хотя некоторые особо азартные и ненормальные уже делают ставки, сколько створок и как долго устоит перед силой великанов тундры и холодной яростью снежных огров.

Возле внешней стены раскинулся Пригород. Сотни маленьких домиков из дерева и камня, в которых ютятся те, кому не хватило места в столице или у кого просто нет денег и возможностей в ней поселиться. Сразу за во-

ротами начинаются дома горожан со средним достатком, или Внешний город. А уже за ним расположен Внутренний город. Он обнесен дополнительной стеной (мне пару раз приходилось перелезать через нее, когда особенно ретивый патруль решал устроить старине Гарриету проверку в беге).

Внутренний город — это сплошь дома аристократов, больших шишек и магов. В нем есть чем поживиться, но вероятность влипнуть в историю тоже велика. Именно здесь находится дворец короля.

Со стороны моря во Внутренний город врезаются город Ремесленников и кварталы Магов. Лавки, кузницы, дубильни, пекарни, магические магазинчики, библиотеки, храмы божеств и так далее. Возле самой кромки моря находится Портовый город. Здесь расположен порт, куда приходят корабли со всего света. Также в этой части столицы есть улицы, куда не рекомендуется ходить без кольчуги и надежной охраны. Особенно по ночам.

То, что я рассказываю — это лишь малая часть, капля вина в море грязи, потому как в нашей столице еще сотня кварталов и мест. В одних живут только чародеи, в других — карлики, которые не рассорились с людьми после того, как мы заключили пакт с гномами. Есть также Закрытая территория (или Запретная, или Пятно, как ее еще называют) — район, обнесенный высокой стеной, пронизанной защитной магией. Никто не знает, что в нем происходит.

Примыкающая к Портовому городу Запретная территория появилась около трехсот лет назад в результате проклятия. Маги королевства не смогли с ним справиться и, поняв, что все их хваленые огненные шары и прочая балаганная мишура никак не действуют на черное шаманство, волшебники взяли и отгородили проклятую часть города от других районов стеной. Ходили слухи о страшных существах, обитающих в Запретной части, но смельчаков, решившихся проверить эти рассказы, не находилось. По крайней мере я о таких я не слышал.

Ладно, хватит! Если я начну перечислять все достопримечательности любимого города, то времени мне и до ночи не хватит.

...Из боковой улочки вынырнули, направляясь в мою сторону, две тени. У одной в руке блеснул металл. Со всем мелкое ворье обнаглело — уже грабят в сумерках. Я остановился и повернулся к ним лицом. Тени замешкались, и одна, та, что была без ножа, выйдя на свет вино-вато развела руками.

— Прости, Гаррет,— произнес едва знакомый мне по «Ножу и Топору» тощий субъект.— Не узнали.

— Богатым, значит, мне быть,— как можно более хмуро произнес я и театральным жестом потянулся под плащ, к арбалету.

Несостоявшийся грабитель нервно сглотнул, еще раз извинился и скрылся в подворотне вместе со своим напарником — искать более слабую жертву.

Я продолжил путь по Портовому городу, пряча улыбку. Репутация — все же хорошая штука. Все не дружащие с законом граждане Авендума знают Гаррета-тень и даже если не видели, то хотя бы слышали о нем. После того как я прострелил ноги парочке уж очень ретивых любителей дармовых денег, грабить меня опасаются, хотя не исключено, что смельчак, решивший заработать себе имя на моем ограблении, рано или поздно найдется. Поэтому надо всегда быть начеку.

Я остановился возле старого и ничем не примечательного здания. Таких в Портовом городе полно. Единственное, чем оно отличалось от многих подобных — это вывеской.

«Нож и Топор».

Огромных размеров жестяной нож и топор висели тут же. И, полагаю, даже тупому доралиссцу было понятно, кто собирается в этом заведении. Я толкнул деревянную дверь и погрузился в людской шум и гам.

Трактир, в котором нашли приют мошенники и воры столицы, в отличие от других заведений будет работать всю ночь. Старый Гозмо, владелец этого клоповника, знает, как зарабатывать денежки.

Я кивнул двум вышибалам, стоящим возле входа с дубинками наперевес, и пошел к стойке, лавируя между столами и стараясь проскользнуть как можно незаметнее, не привлекая внимания посетителей.

Некоторые личности бросали мне вслед злые взгляды. За моей спиной раздавались шепотки. Мир несовершенен. В нем полно завистников и тех, кому мне довелось перебежать дорогу. Пускай бормочут. Дальше шепота за спиной все равно не отважатся пойти.

Наконец я пробрался между столами и кивнул Гозмо, который сегодня самолично стоял за стойкой. Сутулый старый прохиндей, любивший раньше прогуляться по ночам в дома богатеньких жителей Авендума, теперь остепенился и открыл такое вот заведение, где относительно спокойно могли себя чувствовать не самые порядочные и чистые на руку личности. Тут ребята моей профессии отдыхали, искали новую работенку, покупателей и заказчиков. Хитрюга Гозмо не только создал отличное место для сбора всех работников ночи, но и нашел великолепный способ заработать денег.

— А-а-а... Гаррет, — сердечно поприветствовал он меня. Гозмо всегда был рад клиентам. Издержки новой профессии. — Давненько тебя не видел. Сто лет не навещал старика.

— Дела, дела, — произнес я, толкая через стойку в руку сутулого трактирщика сверток со статуэткой.

Гозмо был хорошим наводчиком, и именно он подкинул мне Заказ на путешествие в усадьбу ныне покойного герцога Патины. Трактирщик ловко поймал сверток и так же незаметно, как и я, отправил мне в руку кошелек с обещанными двадцатью золотыми. Товар тут же схватил один из разносчиков трактира и, сунув его в грязную холщовую сумку, понес заказчику.

Я отсчитал из полученного пять монет.

— За что я тебя люблю, мой мальчик, это за то, что ты всегда расплачиваешься с долгами, — весело произнес старый прохиндей, и я поморщился.

Воруя я, конечно, чужие вещи, но вот расплачиваться с наводчиками приходится своим золотом, получен-

ным за продажу этих вещей. Не то чтобы я был скрягой... Но остаться вместо двадцати золотых с пятнадцатью все же обидно. Однако я задолжал старому мошеннику за прошлое дело, так что он вполне справедливо снял с меня причитающуюся сумму.

— Ты слышал, что милорд Патина неожиданно-негаданно помер два дня назад? — как бы невзначай спросил Гозмо, протирая пивные кружки. Мое хмурое лицо он словно бы и не замечал.

— Да? — Я выразил свое искреннее удивление столь неожиданной кончиной вполне здорового герцога, на котором могли бы пахать все крестьяне Валиостра и Загорья вместе взятые.

Гозмо это удивление ни капли не обмануло, но он все так же продолжал протирать кружки, будто ничего не понял.

— Да, да. Его нашли с разорванным горлом. А гарринч, охранявший его богатства, чесался и не обращал никакого внимания на людей.

— Правда? — изумился я. — Кто бы мог подумать, что там был гарринч. Мне вот лично о нем никто не говорил.

Трактирщик пропустил мой упрек мимо ушей. Он умел прикидываться абсолютно глухим, и, надо сказать, временами это у него великолепно получалось.

— Тебе как всегда? — спросил он.

— Да. Мой стол свободен?

Гозмо кивнул, и я направился мимо оживленно вопящих что-то пьяных аферистов, мимо поющей на сцене полуголой девицы в дальний угол зала. Сел спиной к стене и лицом ко входу в заведение. Что поделать, привычка, выработанная годами.

Сразу, как по волшебству, передо мной появилась кружка портера и тарелка с мясом. Что уж говорить, у повара Гозмо иногда случались просветления, и тогда он готовил, ничуть не уступая ребятам с кухонь аристократии. Все это принесла очаровательная служаночка, которая весело мне подмигнула, но, увидев мою вечно хмурю физиономию, фыркнула и удалилась на кухню, сер-

дито виляя пятой точкой и срывая восхищенные взгляды сидящих за соседними столами жуликов.

Однако мне было не до ее неоспоримых прелестей. Город бурлит. Пора нырять на дно.

На пятнадцать золотых крестьянин мог безбедно существовать чуть ли не целый год, но для меня эта сумма была не очень большой, а с работой в ближайшие месяцы следовало завязать. Не ровен час, все же кто-нибудь свяжет смерть герцога и пропажу статуэтки, и вот тогда начнется охота по всему Авендому за всеми ворами. И меня могут для довеска загрести. Если поймают, конечно.

В способностях подчиненных Фраго Лантэна я сомневался. Я вообще был не самого хорошего мнения о страже.

Не успел я отхлебнуть из кружки густого пива, как передо мной вырос тощий бледный субъект и, не церемонясь, сел на свободный стул напротив. Лично я этого парня видел впервые.

Тип мне не понравился сразу. Его бледность и худоба наводили на мысль о том, что он вампир, но я конечно же ошибался. Вампиров не существует. Незванный гость был человеком. И, судя по всему, очень опасным. Ни одного ненужного или лишнего движения, холодный оценивающий взгляд. Я не первый год на улице. Насмотрелся на таких.

Я даже хотел потянуться за арбалетом, но раздумал. Мало ли что. Может, он просто решил поговорить о погоде?

— Я разве кого-то приглашал? — спросил я как можно безразличнее.

Но от незванного гостя не укрылось мое мимолетное напряжение, и он криво ухмыльнулся:

— Ты Гаррет?

— Все может быть.— Я пожал плечами и глотнул пива.

— Меня просили тебе кое-что передать...

— Неужели деньги? — как можно искреннее удивился я.

— Да нет.— Бледный не собирался вступать в словесную перепалку.— Я должен передать тебе, что Маркун недоволен.

— С каких это пор наемные убийцы передают сообщения главы гильдии воров? — резко спросил я, ставя на стол кружку.— Или гильдия убийц успела снюхаться с гильдией ночного братства?

— Это не твое дело, Гаррет.— Бледного ничуть не покорило, что я догадался, кто он такой.— Маркун последний раз предлагает тебе вступить в гильдию и платить взносы.

Эх, гильдии, гильдии! Король закрывает глаза на гильдию воров и на гильдию убийц. До поры до времени. Официальные власти не трогают эти сомнительные организации, пока те не зарываются и платят налоги. И, надо сказать, в казну отчисляются огромные деньги. Чуть ли не половина от заработанных ночным братством денег. Потому я и не в гильдии. Зачем кому-то дарить золотые, заработанные почти что честным трудом?

— Мне жаль его огорчать.— Я как можно гадливее ухмыльнулся.

Гаррет-тень, мастер-вор, о котором в Авендуме ходят легенды и который ни разу не попадался страже, не хочет вступать в гильдию.

— Я свободный охотник. И Маркуну ничего не должен. Он и так захапал под себя всех жуликов Авендума. Не собираюсь подчиняться разжиревшему карманнику.

— Хорошо.— Бледный несколько не расстроился от моего отказа и все так же безразлично смотрел мне в глаза.— Это твое последнее слово?

Я кивнул, показывая, что разговор исчерпан, и тут же расслышал сквозь шум и гомон заведения мое тихий щелчок взводимой пружины. Убийца опустил руки под стол. Это произошло столь быстро, что я даже не успел заметить этого движения. Бледный и вправду оказался настоящим профи.

— М-да. Скряга Маркун в этот раз не на шутку расщедрился, если нанял такого, как ты.

Я расслабился и постарался не делать резких движений. Рыпаться не стоило, тем более не зная, что там у него под столом. Такой же арбалет, как у меня, или еще что похуже?

— Ты прости, Гаррет,— произнес Бледный, хотя я не верил, что этого парня мучает совесть.— Ничего личного, это всего лишь работа. Ты понимаешь.

— Ты, видно, глупец, если собираешься отправить меня к Саготу в заведении Гозмо.

— Ну что ты. Ты просто вдруг окажешься пьян, и я, как твой лучший друг, помогу тебе выйти. Прогуляться на свежем воздухе.

Значит, яд. Я сжался, ожидая удара. Тьма! Как нелепо я попался!

Но, как всегда, милая удача кинула кости, и мне выпали шестерки. Во всем «Ноже и Топоре» наступила оглушающая тишина. Замолкла певичка, стих пьяный хохот и оживленные разговоры. Настоящее кладбище, и Гозмо на нем главный покойник. Я посмотрел на входную дверь, и, наверное, мои глаза, стали квадратными от удивления, раз даже такой профессионал, как Бледный, сделал то, чего никак нельзя делать опытному убийце. Забыв обо мне, он обернулся, решив посмотреть: что же там произошло?

У входа в трактир стояла городская стража, крепко сжимая в руках алебарды и арбалеты. И ни у кого не вызывало сомнений — ребята готовы пустить их в ход, если где-нибудь сверкнет нож. Было видно, что это не портовые дармоеды, а воины Внутреннего города. Слишком откормленные и холеные. Таким палец в рот не клади. И даже вышибалы, маму которых можно было уличить в связи с троллями, отошли в сторону, пропуская незваных гостей в святая святых воровского мира.

Должно было случиться нечто очень важное, если стражники, которым Гозмо регулярно отстегивал, чтобы они не замечали его маленького заведения и публики, которая в нем обитает, пришли сюда.

Впереди оранжево-черной оравы стоял не кто иной, как начальник городской стражи — барон Фраго Лантэн.

Его взгляд близоруко ощупывал замолчавший зал и наконец вцепился в меня. Барон кивнул самому себе и направился прямо ко мне.

— Вина,— бухнул он, проходя мимо побледневшего Гозмо, который наконец-то оставил и так чистые кружки в покое.

— Сию секунду, ваша милость. Все самое лучшее,— заюлил трактирщик, немного отойдя от потрясения. Не каждый день такой человек посещает скромные воровские крысятники.

Тут же засуетились служанки. Гомон возобновился, но чувствовалось, что в зале повисла тяжелая длань напряжения и внимания. Девица снова запела что-то дрожащим голосом, косясь на барона. Десятки глаз следили за идущим к моему столику низеньким человеком, который мог в любое время засунуть каждого, кто не хочет жить по закону, в Серые камни — самую суровую и страшную тюрьму северных королевств.

Несколько человек не выдержали и потянулись к выходу. Стража им не препятствовала.

— Не радуйся раньше времени,— прошипел Бледный, незаметно убирая что-то себе под плащ.— У меня еще будет возможность для долгого разговора с тобой, Гаррет.

— Смотри не уколись,— съехидничал я, но Бледный уже исчез, растворившись в полумраке, как будто его и не было.

Я тихо выдохнул и вытер вспотевшие ладони.

— Гаррет? — спросил барон, останавливаясь передо мной.

Я внимательно посмотрел на низенького жилистого человека в форме стражи Авендума. Его камзол был намного богаче, чем у рядового воина. На мой вкус — излишне много бархата. А вот тонкий и изящный клинок из Филанда мне пришелся по душе. За него вполне можно было купить три заведения, ничем не уступающих «Ножу и Топору».

Отпираться не было смысла, и я указал Фраго Лантэну на стул, где только что сидел Бледный.

— Присаживайтесь, ваша милость.

Подскочивший Гозмо самолично принес бутылку лучшего вина, фужеры и закуску. Милорд молча дождался, когда все это окажется на столе, и тихо бросил:

— А теперь пшел вон. Будешь крутиться под ногами, сгною.

Гозмо с поклонами и глубочайшими заверениями в своей честности удалился, чуть было не споткнувшись о стул.

Фраго молча налил полный фужер красного вина, сделанного далеко на юге, там, где Хребет мира встречается со степями Унгавы, и залпом осушил его. Затем довольно крякнул и принялся изучать мое лицо. Я в долгу не остался и стал рассматривать своего неожиданного спасителя.

Я пару раз сталкивался с Лантэном. Не лично, слава Саготу. Только интересами. Я однажды позаимствовал у него из дома одно колечко. После этого барон пытался меня поймать и упечь в Серые камни, но у него ничего не вышло. Он даже объявил награду за мою голову, и мне, чтобы избавиться от этой сомнительной славы, в одну из особенно темных ночей пришлось украсть приз из его особняка. Как говорится, нет денег, нет награды, и мне забот несравнимо меньше.

Хоть мы и были на ножах и перебежали друг другу дорогу, но я уважал этого человека. Накажи меня Сагот, если это не так.

Барон был честен. Разумеется, в меру своих сил и возможностей. Конечно же он брал взятки — кто этого не делает в нашем продажном мире? Но, отстегивая барону, человек был уверен, что все будет путем. Его не подставят и не арестуют.

Лантэн был человеком чести. Он никогда не бил исподтишка, не унижал своих подчиненных, хотя и держал их в кулаке. Барон был предан королю и место свое получил не благодаря деньгам и родственным связям, а заслужил.

Авендум много выиграл, когда этого человека назначили начальником стражи. Хотя нам, вора́м, после этого

назначения приходилось не сладко. Количество преступлений, конечно, не уменьшилось, но душегубы, прежде чем пойти на дело, теперь оглядывались по сторонам: нет ли поблизости его милости? Небольшая, но все же победа в вечной борьбе закона и преступности.

— Не могу сказать, что счастлив знакомству,— буркнул барон, глядя на меня из-под густых кустистых бровей.— Я бы с радостью отправил тебя в Серые камни.

Я промолчал. У меня вертелась на языке одна подходящая фраза, но я решил попридержать ее на потом. По крайней мере, этим вечером в тюрьму мне не хотелось.

— Собирайся, Гаррет.

— Куда, ваша милость? — Кажется, этот человек смог меня ошеломить.— Уж не в ваши ли любимые Камни?

— Нет. Пока.— Он взглянул на меня.— Один... человек хочет поговорить с тобой. Я должен тебя к нему доставить.

— Правда? К палачу, что ли? — съехидничал я.

— Собирайся. Нечего ёрничать,— еще сильнее нахмурился милорд Фраго.— Лучше идем добровольно.

Я, сам того не желая, бросил быстрый взгляд на скачущих возле двери стражников. Не справится. Много. И небось еще столько же у черного хода.

— Все выходы перекрыты.— Он как будто услышал, о чем я думаю.— Деться тебе некуда. Разве что, как вампиру, превратиться в туман и смыться сквозь щелочку.

— Вампиры не могут превращаться в туман, их вообще нет. Бабкины сказки,— машинально ответил я.

И прикусил язык.

— Так ты идешь? — Фраго терял терпение.— Ночь скоро кончится, а я привык в это время спать, а не развозить ворье.

Я молча отодвинул стул и поднялся, кутаясь в плащ.

— Вот и хорошо,— тихо сказал начальник стражи и, взяв бутылку дармового и дорогого вина в левую руку, направился к выходу. Я шел за ним, чувствуя, как любопытные взгляды всего заведения буравят мне спину...

Глава 3 ЗАКАЗ

Возле трактира, купаясь в густых, как сливки, сумерках, стояла большая карета, запряженная четверкой пепельно-серых лошадей доралисской масти. Лошади косились на стражников и нервно фыркали. Не только люди хотели провести ночь под защитой надежных стен.

Только сейчас я увидел, что окна экипажа забиты толстыми досками.

— Это чтобы я не сбежал? — буркнул я, забираясь в экипаж и садясь на мягкую скамейку, обитую красным бархатом.

Дорогой экипаж. Не каждому по карману. А четверка доралисских лошадок и вовсе стоит баснословных денег.

— Это чтобы тебя в темноте кто-нибудь не выдернул из окна. Кто-нибудь очень голодный, — ответил севший напротив меня Фраго.

Мы поехали по ночным улицам, и я только успевал подпрыгивать, когда колесо наезжало на особенно выступающий из мостовой булыжник. Барон молчал, иногда бросал на меня хмурые взгляды, и мне оставалось только вслушиваться в цокот копыт лошадей сопровождающих нас стражников, и строить догадки: куда же меня везут?

К чему весь этот маскарад? Чтобы доставить меня в Серые камни, барон с тем же успехом мог повязать мою скромную персону прилюдно. Впрочем, я сам виноват в своих бедах. Слишком расслабился в последние два дня. Высказывал плохое мнение о страже, и надо же такому случиться, что буквально через несколько минут эта стража оказалась прямо передо мной. Быстро меня нашли... Или кто-то по доброте душевной рассказал, где я?

Еще один интересный вопрос: кто желает со мной встретиться? Сразу видно, парень наделен большим влиянием — раз за мной послали самого Фраго Лантэна. Интересно, что этому незнакомцу от меня понадобилось? Отплата за причиненные когда-нибудь неудобст-

ва? Надеюсь, что он не из магов. Не хотелось бы провести остаток своей жизни в шкуре жабы или доралиссца.

Я тихонько хихикнул себе под нос, привлекая хмурый взгляд барона. Еще неизвестно, что хуже: тело жабы или козлочеловека. Я бы, наверное, выбрал первое, потому как доралиссцев в Авендуме любили меньше жаб. Лучше быть маленькой и зеленой квакушкой, чем большим и тупым козлом. Ой, что-то ты развеселился, Гаррет! Не к добру. Хотя почему не к добру? Арбалет и нож у меня не отняли, так что, если представится случай, я еще повоюю. Жаль только, что магические артефакты оставил дома, в тайнике. Но и так неплохо.

Внезапно возница остановил карету, и парочка ретивых стражников распахнула дверь экипажа. Ночь дохнула мне в лицо прохладой. Даже летом в Авендуме довольно холодно — сказывается близость к Безлюдным землям — и лишь к августу на город падает благословенная жара, да и то на пару недель, а затем ветра с Холодного моря принесут дожди. Валиостр — самое северное королевство Сиалы, поэтому с погодой тут не очень.

— Вылазь, вор.— От одного из стражников несло крепким чесночным духом, и я невольно поморщился.

— Это что? Такая увеселительная прогулка? — стараясь не терять присутствия духа, спросил я у барона.

— Хватит пререкаться, Гаррет. Делай, что тебе сказано, и будет у нас мир и любовь.

Я многозначительно пожал плечами, показывая, что любовь барона во всех ее проявлениях нужна мне как доралиссцу зубочистка, хмыкнул и спрыгнул на каменную мостовую, оглядывая окрестности. Улочка была пустой, темные дома нависли над нами как Зам-да-Морт. По другой стороне улицы тянулась высокая стена. Так. Значит, мы где-то возле Внутреннего города.

Из городской канализации уже появились тоненькие и робкие язычки серо-желтого тумана. Он еще стелился, низко прижимаясь к мостовой, и не решался подняться выше. Но пройдет несколько часов, и туман вновь, как каждую июньскую ночь, накроет город густым покрывалом, которое продержится до самого утра.

В этот раз на улице стояла непроглядная темень, облака закрыли небо густыми тушами, и свет лился только с факелов стражи и масляных фонарей, висящих на карете. Стражники внимательно глядывались во мрак, держа арбалеты под рукой.

— Не двигайся, вор,— со скрытой угрозой в голосе произнес чесночный приятель, а затем стал тщательно обыскивать меня.

Вот в подставленную другим стражником суму лег арбалет, затем чехол с болтами. Чесночник, было, завладел кошельком с монетами, но барон грозно цыкнул из кареты, и стражник торопливо отдернул руку.

— Кошелек оставь, морда,— произнес Фраго.— Чист? Оружия нет?

Стражник еще раз торопливо ощупал меня, достал из потайного кармана на поясе отмычки, из-за голенища сапога тонкую бритву и кивнул.

— Чист, ваша милость. Как доралиссец, возвращающийся после сделки с карликом.

Стражники на лошадях заржали. Барон опять на них цыкнул. Где-то возле стены дома промелькнула тень одинокой крысы, выбравшейся искать пропитание для своих крысят, и один из стражников запустил в нее факелом, шепча проклятия слугам Неназываемого. Факел, естественно, пролетел мимо, ударился о стену и выплеснул сноп кружащихся в ночи искр, устремившихся в облачное небо. Крыса пискнула и исчезла во тьме.

— Хватит там! — рявкнул раздраженный Лантэн.— Повязку — и в путь.

Чесночник достал из кармана темную плотную полоску ткани и завязал мне глаза. Стражники взяли меня за руки, запихнули внутрь экипажа, захлопнули дверь, и карета снова тронулась. Я поднял руки, чтобы немного ослабить давящую на глаза ткань.

— Я бы на твоём месте этого не делал, Гаррет,— крайне вежливо произнес барон у меня над ухом.

— Куда вы везете меня, ваша милость? Или это тайна?

— Можешь считать, что государственная. А теперь помолчи и наберись терпения. Не зли меня.

— Прошу прощения, ваша милость, а что будет, если я разозлю?

Темнота сделала меня разговорчивым и ехидным.

— Если ты не договоришься с тем человеком, к которому мы едем, то попадешь ко мне... злому.

Я счел, что лучше набраться терпения и немного помолчать. Для меня не было проблемой выскочить из несущегося по ночным улицам экипажа и попытаться скрыться. У меня будет несколько драгоценных мгновений, прежде чем стража сообразит, что случилось. Но, пожалуй, я не хочу рисковать, играя в догонялки с арбалетами. Так что лучше сидеть и не дергаться. К тому же меня разбирало любопытство, хоть мне и не нравилось все происходящее.

Тем временем экипаж быстро катил по городу. Скорость была приличной, видно, возница был умелым и не жалел ни кареты, ни лошадей, ни пассажиров. Я отбил всю задницу на колдобинах. Но барон не жаловался. Значит, такая спешка была необходима, и я стиснул зубы, стараясь сидеть ровно, когда нас заносило на поворотах. Правда, я не отказал себе в удовольствии один раз все же не удержаться и по инерции упасть на Фраго и стянуть у него с пояса кошелек. Надо сказать, что было там не густо.

В конце концов мы все же приехали. Меня выгрузили, передали на руки каким-то людям, крепко взявшим под локти. Затем куда-то повели. Мне оставалось лишь переставлять ноги и спотыкаться, когда попадались очередные ступеньки.

За спиной неотрывно сопел барон. Коридоры, лестницы, комнаты, залы. Звуки. Мои ноги шли по глухому каменному полу, выбивая гулкое и звонкое эхо из мраморных исилийских плит, топали по скрипящему деревянному полу. Я давно сбился со счета количества ступенек у лестниц и поворотов многочисленных коридоров огромного здания, по которому меня вели, как слепого гоблина в лесном лабиринте орков. Трещали

факелы над ухом, иногда нам кто-то встречался на пути, но, как я слышал, поспешно отходил в сторону, уступая дорогу.

Наконец открылась какая-то дверь, и я почувствовал под ногами густой ворс ковра. Не видя его, не могу сказать, сколько он стоит, но, скорее всего, сделан он в Султанате, а значит — приличных денег.

— Избавьте его от повязки.

Стоящий позади меня Фраго снял с моих глаз проклятую тряпку. Я на миг зажмурился от яркого света, исходящего от камина, десятка свечей и факелов, горящих в небольшой комнатке.

Затем придирчиво изучил помещение, мельком оценив султанатские ковры, подсвечники, дорогую мебель из дерева, которое встречается в лесах И'альяла, возле самого Хребта мира, полный рыцарский доспех работы мастеров-карликов, стоящий в дальнем углу комнаты. И это не говоря о кубках и посуде, которая, кажется, вся была из золота. М-да. Вот бы где мне развернуться и похозяйничать хоть несколько минут. Ну что же. Теперь надобно познакомиться с хозяином всего этого великолепия, который так вежливо и настойчиво пригласил меня на огонек.

Но вместо одного человека я увидел нескольких.

В кресле рядом с очагом сидел, кутаясь в толстое шерстяное одеяло и сжимая в правой руке серебристый посох, инкрустированный слоновой костью, древний старик. Маг, насколько я мог судить. Даже архимаг, если учесть то, что на посохе было четыре серебристые полоски ранга. А еще точнее — магистр, так как на посохе у него вместо пресловутого камня «сидела» черная птичка.

Старичок казался маленьким и дохленьким. Он был похож на старый хрупкий лесной орех.

Дед недовольно ежился, как будто жар очага у него под боком не мог согреть древние кости. Казалось, ткни мага пальцем или подуй на него сильный ветер, и он просто развалится.

Обманчивое впечатление. Осмелившегося ткнуть главу Ордена магов, архимага и магистра Арцивуса пальцем ждал не очень приятный конец. Этот человек был одной из самых влиятельных фигур королевства и первым советником короля, хоть у многих, впервые увидевших тщедушного старичка, могли возникнуть сомнения насчет трезвости его рассудка.

В кресле напротив Арцивуса, изящно держа бокал белого вина, сидела женщина в очень дорогом, великолепном голубом платье жительниц Миранграда. Довольно рискованный выбор одежды в нашем королевстве, особенно когда война с Мирануэхом не закончилась, а всего лишь уснула на время, пока стороны приходят в себя после кровопролитных боев, прекратившихся около пяти лет назад. Мирануэхцев у нас любят не больше чем Неназываемого, но леди, как я видел, это не беспокоило.

На лицо незнакомки была наброшена вуаль, полностью скрывающая его от моего пытливого взгляда. С этой неизвестной миледи я уже встречался два дня назад, в ту памятную ночь, когда имел небольшое дело в усадьбе герцога. Судя по драгоценностям, именно она проезжала по переулку в окружении личной гвардии короля.

У стены стоял человек, вооруженный мечом-бастардом канийской ковки. Этот господин с брезгливым любопытством изучал мою скромную персону, словно перед ним была в лучшем случае крыса.

Хотя Крысой был он сам. Так называли его недоброжелатели. Граф Алистан Маркауз, капитан личной гвардии Его Величества Сталкона Девятого, избрал своим гербом серую крысу. Его всегда можно было узнать по тяжелому рыцарскому доспеху с выгравированной головой грызуна на грудных пластинах и шлему, которому придали форму крысиной головы. Как говаривали злые языки, Крыса даже спал и мылся в доспехах, но не думая, что это утверждение было правдивым.

Алистан был первым мечником королевства и опорой нашего дражайшего короля. Он руководил службой безопасности, был человеком своей, только ему понят-

ной чести, уничтожал и ненавидел всех, кто злоумышлял против его славного господина. Военная рутина, стычки с ограми и гигантами возле Одинокого Великана, война с орками Заграбы, пара пограничных войн с Мирануэхом, когда тамошнему королю после схваток с западными кланами заграбских орков захотелось размять кости.

Выйдя живым из всех этих стычек, милорд Алистан Маркауз стал тем, кем и был в данный момент, — правой рукой короля и опорой трона. Воин смотрел на меня стальными серыми глазами, покусывал пышные, висячие, по моде жителей Низины, усы. Я ответил на его прищур кислым взглядом и перевел взгляд на четвертого человека, находящегося в комнате.

Ну, с человеком я, конечно, загнул. Арктически-голубыми глазами на меня смотрел зеленокожий гоблин. Самый настоящий. Один из тех, что обитают где-то в лесах Заграбы, по соседству с орками и эльфами.

Гоблины — несчастный и забитый народец. Ростом они не выше самого маленького гнома. То есть мне где-то по пупок, не больше. С самой зари времен люди, как всегда все перепутав и посчитав, что гоблины являются союзниками орков, принялись из века в век уничтожать это несчастное и забитое всеми расами Сиалы племя.

Каких только страшных сказок не ходило в те времена о зеленокожих! Что это ужасные и хитрые людоеды, которые, дай им волю, уничтожат все человечество. Что они поклоняются тьме и проводят в полнолуние кровавые обряды, где мучают девственниц, обмазывая их кровавыми мозгами летучих мышей и зажаривая на медленном огне. И тому подобные страшные и безумные байки. Мне ли вам рассказывать, какие истории способны сочинить испуганные и невежественные люди?

Планомерное уничтожение расы гоблинов шло несколько веков. В лесах Заграбы, презрев опасность нарваться на орков, на них устраивали настоящие облавы. И доловились до того, что некогда многочисленный мирный народец, который страдал не только от ятаганов

орков, но и от мечей и пик людей, был почти полностью истреблен. А когда наконец разобрались (то есть проглотили гордость и спросили у эльфов), то осталось всего лишь несколько небольших племен, спрятавшихся в самой глухой чаще Заграбы с помощью магии своих шаманов.

Итак, благодаря тому, что кто-то все-таки решил понять, почему ужасные зеленые карлики не бросаются, оскалив зубы, на людские мечи, а в ужасе убегают в лесную чащобу, — недоразумение в конце концов было исправлено и коротышек-гоблинов оставили в покое. А лет сто назад даже начали нанимать на службу. Как оказалось, они были очень умны, находчивы, остры на свой бордовый язычок, проворны, а потому как нельзя лучше подходили для службы посыльными и шпионами. К тому же Орден магов очень интересовался гоблинским шаманством, берущим начало от обрядов шаманов орков и темных эльфов.

Шаманство, если кто не знает, является самым древним колдовством в этом мире. Оно появилось на Сиале первым — вместе с ограми, самой древней расой. А потому маги людей питают к этому колдовству огромный интерес, как к изначальному первоисточнику, которое у огров переняли орки, затем эльфы, а потом и гоблины.

Кстати говоря, зеленокожий парень, который расположился прямо на ковре, оказался шутом. Об этом говорил его колпак с колокольчиками, шутовское трико, раскрашенное красно-синими квадратами, и шутовской жезл, который он сжимал зеленой рукой. Гоблин сидел, скрестив коротенькие смешные ножки и иногда вращая головой, из-за чего его бубенчики издавали веселый и мелодичный тренькающий звук.

Заметив, что я изучаю его с изумлением, он усмехнулся, сверкнув острыми как иглы зубами. Шмыгнул длинным крючковатым носом, подмигнул голубым глазом и показал мне бордовый язык. Великолепно! Только этого мне и не хватало для полного счастья!

Я перевел взгляд на последнего незнакомца в комнате, перед креслом которого и уселся гоблин. Внешне

этот человек был очень похож на преуспевающего трактирщика. Такой же толстенький, маленький, с плешивой головой и аккуратными руками. И одежда его была более чем скромной. Коричневые просторные брюки, которые носят обычные стражники. Простой толстый свитер из овечьей шерсти, отлично подходящий для январских морозов. Такие вяжут крестьяне, живущие под боком у Одинокого Великана. Интересно, ему в нем не жарко?

В общем, передо мной был абсолютно серенький и незаметный человечек. Особенно если не обращать внимания на толстое золотое кольцо с огромным рубином на его правой руке и глаза. В этих карих глазах жил ум, сталь и власть. Власть короля.

Я низко поклонился и замер.

— Так, так,— пробасил Сталкон Девятый.

Именно его голос я слышал, когда меня ввели в комнату.

— Это и есть знаменитый на весь Авендум вор? Гаррет-тень?

— Именно так, ваше величество,— подобострастно произнес стоявший рядом со мной барон Лантэн.

— Ну что ж.— Король погладил сидящего шута по голове, и тот замурлыкал от удовольствия, копируя кошку.— Ты быстро нашел его, Фраго. Намного быстрее, чем я рассчитывал. Благодарю тебя.

Барон сдержанно склонил голову, прижав руку к сердцу, хотя и дураку было видно, что он несказанно рад похвале.

— Подождите за дверью, барон, будьте так любезны,— прокашлял из своего кресла архимаг Ардивус.

Начальник стражи еще раз поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Я много слышал о тебе, Гаррет. — Король внимательно посмотрел мне в глаза.

— Не думал, что у меня такая громкая слава, Ваше Величество.— Я чувствовал себя неловко в окружении первых лиц государства.

— А он смел,— пискляво провозгласил шут и состроил мне очередную рожу, сведя глаза к переносице.

— И скромн,— с усмешкой произнесла таинственная женщина, водя пальчиком в перчатке по краю хрустального бокала.

Я был словно корова на рынке, которую обсуждает парочка крестьян-покупателей.

— Присаживайся, Гаррет,— милостиво махнул в мою сторону король, и я сел в кресло с высокой резной спинкой, изображающей какой-то эпизод из битвы, произошедшей на поле Сорна.

— Ты позволишь? — небрежно спросил король, беря со столика, стоявшего рядом с креслом, мой арбалет.

Клинок, отмычки и бритва лежали там же.

— Карлики делали?

Не давая мне времени даже кивнуть, Его Величество направил оружие на стоящий в дальнем углу комнаты стародавний доспех и нажал на спусковой крючок. Щелкнула тетива, арбалетный болт взвизгнул и вошел в смотровую щель рыцарского шлема.

Шут карикатурно захлопал в ладоши.

Стрелять Сталкон умел. Вообще-то он многое умел делать. Особенно держать королевство в кулаке. Простой народ обожал его, хотя он жестоко подавлял бунты, которые пару раз случались во время весеннего голода. И еще все знали, что Его Величество кроме короны получил в наследство знания от отца, деда и прадеда. Великий ум всей династии Сталконов, о котором в стране ходили легенды.

Он не завышал налоги, но и не делал их мизерными. Он ослабил поводок торговцам и купцам, но сделал так, чтобы они платили подать, если хотели торговать в Валиостре. А также брал деньги с гильдии воров и убийц. Не ссорился с магами, прислушиваясь к их советам, но в итоге делая то, что считал нужным. Он не притеснял другие дружественные людям расы, и те платили королю если не дружбой, то терпимостью к людям и подчинялись законам королевства.

Единственной ошибкой короля, о которой шептались его враги, была идея союза с гномами, после заключения которого карлики рассорились с Валиостром и запер-

лись в своих горах. Конечно, небольшая община карликов в Авендуме осталась. В основном самые жадные, мечтавшие загрести еще немного золотишка с продажи дорогих поделок, хотя и они не одобряли того, что люди стоворились с врагами всех карликов — гномами. Правда, тут я был на стороне короля. Если выбирать между мечами, которые делают карлики самым богатым жителям королевства, и пушками, которые делают гномы, естественно, нужно брать пушки — то, что более эффективно в бою и дешевле стоит.

— Интересная игрушка. Но речь сейчас пойдет не о твоём арбалете, — произнес король, положив разряженное оружие обратно на столик. — Не мог бы ты мне сказать, вор, как к тебе попала эта вещь?

Довольный шут достал откуда-то из-за кресла золотую статуэтку собаки и показал ее мне. В один миг моя спина покрылась липким холодным потом. Хоть мне и удалось сохранить на лице маску вежливого почтения, в голове звенела паника. Кажется, кто-то кричал: «Караул!»

В руках гоблина была та самая безделушка из дома герцога. Так вот кому понес ее человек Гозмо! Ай да Гозмо! Если нам доведется встретиться, его ждет очень неприятный разговор!

Выходит, что все улики показывают на меня. Допрыгался до преступления против короны! Четвертование, которое ко мне применят, будет считаться благодатью богов и милостью королевского суда. Как бы чего хуже не сделали! Я решил, что лучше помолчать и послушать.

— Умен и осторожен. Редкие качества, — произнесла женщина разглядывая меня из-под плотной вуали.

Шут тихонько хихикнул только ему понятной шутке и прошелся по комнате колесом. Потом, все так же сжимая в руках статуэтку, встал рядом с Алистаном, скопировав его позу, серьезное лицо, и замер, положив руку на голову золотого пса и превратив его в импровизированный меч. Я чуть не расхохотался. Действительно похоже на Крысу и очень смешно. Гоблин не зря получал деньги.

— Это по нашему заданию ты, Гаррет, попал в дом к моему дражайшему покойному кузену. Прежде чем решить, подходишь ли ты для дела, тебя надо было испытать. А идеальнее усадьбы двоюродного брата со свободно гуляющим по ночам гарринчем просто не придумать. Согласись?

— Еще идеальнее — это королевская сокровищница,— ляпнул я.

Терять Гаррету было уже нечего. Понятно, что утром мне предстоит путешествие в Серые камни. На всякий случай я еще раз напомнил себе при возможности поговорить с Гозмо, подсунувшим мне этот «Заказ».

— Ого! А у Гаррета-тени губа не дура! — пискнул гоблин.

Я ожег его взглядом, но он только ехидно ухмыльнулся и вновь показал язык.

— Сам знаю, Кли-кли,— ответил Сталкон шуту, затем взял в руки мой клинок, вынул его из ножен и, изучая, небрежно спросил: — Что случилось ночью в доме? Как он умер?

Я проглотил ставшую вязкой слюну и под присмотром пяти пар внимательных глаз начал свой рассказ. Никто меня не перебивал, архимаг Арцивус, казалось, дремал в кресле, а физиономия гоблина, на удивление, была задумчивой и встревоженной. Когда я закончил историю, в комнате повисла гнетущая тишина, лишь огонь тихонько потрескивал в камине.

— Говорил же я вам, Ваше Величество, не доверять герцогу,— зло бросил Алистан. Он почему-то сразу поверил моему рассказу, и теперь его глаза гневно сверкали.— Я усилию охрану вдвое.

Король задумчиво поглаживал подбородок, внимательно изучая меня. Он помолчал. Затем резко кивнул головой, решившись.

— О моей безопасности поговорим позже, дружище Алистан. А пока у меня дело к нашему гостю. Гаррет, ты знаешь, кто такой Неназываемый? — неожиданно спросил у меня Сталкон.

— Он зло и тьма.— Вопрос поставил меня в тупик.

Неназываемый и Неназываемый. Тот, чьим именем пугают вас в далеком детстве, когда вы не желаете вовремя ложиться спать.

Алистан фыркнул, как бы говоря, что от вора он ничего большего и не ожидал.

— Смотря как это понимать,— произнес монарх.— Зло. Хм... А знаешь ли ты, что Неназываемый известен кроме Валиостра только в Пограничном королевстве, да и то потому только, что орки атакуют эти земли с его именем на устах? Ну, может быть, еще в Исилии, частью в Мирануэхе, но там Неназываемый не больше чем страшная сказка. Он ведь не черное зло и отнюдь не тьма, просто очень сильный волшебник, который засел в Безлюдных землях и вот уже сколько времени мечтает увидеть Валиостр разрушенным.

— Позвольте...— вклинился в разговор архимаг, доселе молчавший.— Я расскажу вам, молодой человек, легенду. Правда, никакая это не легенда, а истинная правда... Лет пятьсот назад, когда наше королевство еще не было таким великим и могучим, в Авендуме жили два брата. Один из них был великолепным полководцем, другой — талантливым магом, изучавшим проблематику шаманства. Тогда магия была для людей еще загадочным искусством, она постоянно совершенствовалась, мы набирались ума, перенимая опыт у темных эльфов, орков и гоблинов. Далее мы добавляли немного своего и получали то, что теперь имеем. К сожалению, магия камня гномов и карликов нам не дана. Гм... Но я отвлекся... Дело было в последний год Тихих времен, как называют эти годы сейчас. Грок, полководец... надеюсь, тебе известно это имя?

Я кивнул. Все знали площадь Грока и памятник ему. Старик удовлетворенно покряхтел, ерзая и поудобнее устраиваясь в кресле, а затем продолжил рассказ:

— В последний год Тихих времен армия орков напала на наш город и попыталась взять его приступом. Тогда еще не было знаменитых стен Авендума, и Грок, командуя всего лишь несколькими тысячами уставших солдат, оставшихся в живых после ряда сражений, сдерживал

натиск врага, вышедшего из лесов Заграбы. М-да... Брат не пришел ему на помощь. Не знаю почему, об этом, к сожалению, история умалчивает. Ссора, зависть, болель, нелепая случайность — но в итоге самый сильный маг того времени не пришел на подмогу оборонявшимся воинам. Однако Грок и его люди все же выстояли. Они держались до прихода темных эльфов. До времени, когда от армии Валиостра осталась тысяча, а затем всего неполных четыре сотни человек. После победы маг был схвачен и казнен за предательство.

Старик замолчал и уставился на огонь своими слезящимися глазами.

— Как звали того мага? — не удержался я.

— Его звали так же, как и брата-близнеца, — Гроком. Это был позор для Ордена магов. Страшный позор. Мы стерли имя отступника из всех анналов. С тех пор он стал называться Неназываемым. Но ему удалось выжить. Точнее, выжил его дух. Колдун еще при жизни изучал Кронк-а-Мор, запретное колдовство огров. С помощью этого вида шаманства дух умершего может жить некоторое время без телесной оболочки, а затем вселиться в другое тело. Так и случилось. Он ушел на север, в тундру, далеко-далеко в Безлюдные земли, вынашивая планы мести. Сила Кронк-а-Мора была такой, что огры, великаны и часть орков признали Неназываемого своим господином и повелителем. Хотя, по правде говоря, насчет орков я очень сомневаюсь. Эта раса слишком хитра и независима, скорее всего, им просто удобно изображать из себя жестоких варваров и нападать на врагов, прикрываясь именем Неназываемого. Как говорят эльфийские дома — большая политика! Что же до огров, великанов и отдельных людишек, то они преданы Неназываемому и душой и телом. Эти враги Валиостра уже давно бы покинули свои земли и пошли войной, если бы их не сдерживала крепость — Одинокий Великан. А Неназываемый, хоть и получил вечную жизнь, до сегодняшнего дня не решался вторгнуться в Валиостр, потому что мы гасили его силу, пока равновесие не пошатнулось.

— Ну хорошо.— Что-то у меня не складывалось в голове.— Огры, орки, великаны. А те твари, которые ночами охотятся на улицах столицы? Они тоже подчиняются Неназываемому? А этот таинственный Хозяин, о котором говорил герцог?

— Не знаю,— насупился маг.— Может, это слуги Неназываемого, может, еще чьи-то вырвались из глубин, когда равновесие в магическом источнике нарушилось.

— Кстати,— перебил старика король,— долго мои подданные будут страдать от этих тварей?

— Совет делает все возможное и невозможное, Ваше Величество. Мы подготовили заклинание, и к концу недели ни одно дитя ночи не сможет проникнуть в наш город. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Почему же Совет магов не уничтожит Неназываемого? — спросил я, возвращая разговор к первоначальной теме.

— Кронк-а-Мор надежно защищает отступника. Мы, к сожалению, ничего не понимаем в шаманстве огров. Да и вряд ли теперь когда-нибудь научимся. Неназываемый ждал века, набираясь сил и собирая армию. Лишь Рог Радуги, великий артефакт прошлого, который эльфы подарили Гроку, отняв его у огров в давние времена, сдерживал Неназываемого и его армию за горами Отчаяния. Как говорят эльфы, огры сами создали этот артефакт в противовес своей магии, чтобы нейтрализовать ее, если Кронк-а-Мор вдруг вырвется из-под их контроля. Только благодаря Рогу Неназываемый никогда не решался выступить против нас войной. Рог каким-то образом полностью нейтрализует его магию... — Арцивус закашлялся.— Лишь пока Рог имеет силу, Неназываемый не осмеливается пройти Одинокого Великана. Что он может без своей магии?

— Не надо причислять этого волшебника к тьме,— продолжил король.— Просто он хороший и талантливый маг, который удачно использовал свои знания и теперь хочет отомстить за то, что его наказали. Считай его немного свихнувшимся на почве ненависти. И теперь, когда сила Рога ослабла за века, Неназываемый

мый поднимает голову. Я уверен, что враг скоро нанесет удар по нашему королевству.

— Он почти нанес удар,— тихо сказал Алистан.— Эльфы-разведчики докладывают, что Неназываемый готовит армию к походу. По всем Безлюдным землям собираются тысячи великанов, огров и других тварей. В Рачьем герцогстве без остановки куют оружие. К весне следующего года, может быть раньше, Неназываемый и его войска будут под стенами города. Одинокий Великан не выстоит, а я даже не могу послать им подкрепления.

Сталкон кивнул:

— Об этом сразу прознают орки. Они нападут с тыла, да и Мирануэх сейчас не очень-то спокоен. А нашему королевству помощи ждать неоткуда. Разве что могли бы помочь темные эльфы и Пограничное королевство, но если орки решатся напасть — они нападут и на Пограничье. В другие земли Неназываемый вряд ли пойдет, поэтому ни Гаррак, ни Империя, ни Филанд нам не помощники. Исилия, как всегда, соблюдает нейтралитет и отсидится в сторонке. Мирануэх только злорадно потрет руки. Придется обходиться своими силами.

— Да и не только Неназываемый оживился,— сказал волшебник.— Орки поднимают головы в лесах Заграбы, тролли в горах стали нападать на поселения карликов, на южных границах видели дракона. Дракона! Больше двухсот лет ни один не подлетал к границам нашего королевства. Мир завис на грани войны. Страшной войны.

— Я начал собирать армию,— нахмурился король.— Надеюсь успеть к концу года выставить против Неназываемого хотя бы пятьдесят тысяч. Какую-то часть придется оставить на границах с Заграбой и Мирануэхом. Плюс ополчение. Но это так, жест отчаяния. Нужно объявить набор, хотя я и боюсь, что начнется паника, цены на товары подскочат до небес и появятся беженцы. Слава богу, что эльфы Темных домов на нашей стороне, плюс еще и гномы с пушками.

— Прошу прощения, Ваше Величество,— осмелился я.— Насчет гномов я не сомневаюсь, им мешок золотых

отсыпать — так они на родную бабку войной пойдут, а вот эльфы... Вы в них уверены?

— Нам нет нужды врать, — произнесла женщина, откидывая вуаль. — Я сама видела готовящуюся к войне армию Неназываемого за Иглами Стужи.

Я открыл рот. На меня смотрела эльфийка. Настоящая темная эльфийка.

Очарование эльфов... Его придумал тот же самый сказочник, который сочинил кровожадность гоблинов. Только в сказках эльфы прекрасны, только в сказках они бессмертны, только в сказках у них золотистые волосы, зеленые глаза, мелодичные голоса и легкая поступь. Только в сказках эльфы мудры, правильны, справедливы и великодушны. А в жизни...

В жизни неподготовленный человек может принять эльфа из лесов Заграбы и И'альяла за орка. Потому как на самом деле сказочной красоты эльфов, раздутой до небес пьяными рассказчиками в тавернах, просто нет.

Ну да... Есть привлекательные лица и у этой расы, но то, что они — не эталон красоты, это уж точно. Эльфы похожи на людей, если не считать их смуглой кожи, желтых глаз, черных губ и пепельно-серых волос. А уж торчащие из-под нижней губы клыки совсем пугают сиволапого обывателя и знатока бабушкиных сказок.

Не верьте в доброту эльфов, просто, если вам не повезет, поприсутствуйте на эльфийской пытке, когда они устраивают Зеленый лист своим ближайшим родственникам — оркам.

Да-да. Орки и эльфы появились на Сиале в один и тот же год. Хотя орки оказались здесь немного раньше эльфов, и пепельноволосые никак не могут им простить этого. И эльфы и орки были первыми, кого боги привели на Сиалу, если не считать огров. Раса орков получила гордость и ярость, а эльфы — хитрость и коварство. Но те и другие получили еще один дар — ненависть.

Они до сегодняшнего дня воюют, истребляя друг друга в кровавых схватках, которые тысячами происходят в бескрайних лесах Заграбы. Это потом появились гномы и карлики, доралиссцы и люди, кентавры и вели-

каны, а также множество других рас, населяющих Сиа-лу. А первыми были неудачные дети — орки и эльфы. Это уже потом эльфы разделились на темных и светлых, хотя разница между ними только в том, что темные обращаются к шаманству, а светлые — к волшебству.

Темные и светлые не враждуют между собой, они просто относятся друг к другу с изрядной долей пренебрежения. До сих пор темные эльфы не могут понять сородичей, пользующихся чужой, не исконной для этой расы магией. Около двух тысяч лет назад они не смогли жить вместе и разделились. Темные остались в лесах Заграбы, а светлые ушли в леса И'альяла, что находятся возле самого Хребта мира.

— Познакомься, Гаррет,— сказал король, указывая на эльфийку.— Это леди Миралисса из дома Черной луны.

Я сдержанно поклонился. Окончание имени «сса» означало, что эльфийка из Верховной семьи Дома. Попросту говоря, особа королевской крови.

— Очень приятно, миледи.

— И мне.

— Любезности потом! — произнес король.— У нас мало времени, и тебе, Гаррет, придется нам помочь.

— Остановить Неназываемого? — скептически сказал я.

Если это так, то король или его советники точно выжили из ума.

— Да,— произнес архимаг.

Ну точно, в этой комнате все ненормальные! Алистан внимательно смотрел на меня, стараясь обнаружить след насмешки над его королем. Я сдержался. С трудом, но сдержался. Но не Кли-кли. Гоблин захохотал и, упав на ковер, схватился за живот.

— Жизнь королевства в руках вора! Как бы он его не спер!

Я лично не находил в этом ничего смешного, как и все остальные.

— Помолчи, Кли-кли,— сурово произнес Алистан, не сводя с меня внимательных глаз.

— Все, замолкаю, каюсь, умираю,— Гоблин трагически развел зелененькими ручками.— Если Крыса осталась серьезной после моей шутки, то пора увольнять меня с должности придворного шута. Придется снова мне, бедному и несчастному, уходить в родные леса и ждать, пока особо ретивый орк не позавтракает моими бедными косточками или не запустит в лабиринт.

Шут трагически, как актер на подмостках рыночной площади, вздохнул, а затем взглянул по сторонам и, заметив, что на него никто не обращает внимания, весело мне подмигнул.

— Я, конечно, польщен такой честью,— осторожно произнес я, стараясь не тревожить психов.— Но не кажется ли вам, что сил и опыта у меня поменьше, чем у Ордена и Диких Сердец, и остановить волшебника в одиночку будет сложновато?

Гоблин прыснул и вновь шлепнулся на ковер. Видно, моя личность его уж очень сильно забавляла. А вот меня этот маленький зеленый негодяй начинал раздражать.

— Ох, Гаррет! — Шут вытирал с глаз неподдельные слезы.— Ты не только умен и смел, но еще и самоуверен.

— Так в чем моя задача, Ваше Величество? — Я продолжал ломать комедию, дожидаясь момента, когда меня, может быть, отпустят.

Вот тогда я сделаю ноги. И плевать куда, хоть в сам Султанат, но так далеко, как только можно. В те земли, где нет безумных королей, ненормальных шутов и впавших в старческий маразм волшебников.

— Нам нужен Рог Радуги,— произнесла эльфийка.— Только он сможет остановить Неназываемого, потому что, боюсь, даже армия не устоит против всей рати Безлюдных земель.

— Рог Радуги? — тупо переспросил я.— А при чем здесь он?

— Я же уже объяснил,— раздраженно нахмурился Арцивус.— Ты что, стал плохо слышать от страха?

— И думать,— вставил свое веское слово Кли-кли.

Я ожег шута очередным взглядом, чем еще больше его развеселил.

— Пойми, Гаррет. Магия огров неидеальна и во многом топорна, как говорят люди, хотя и очень мощная, но закон равновесия...— Эльфийка кисло поджала черные губы, еще сильнее обнажив клыки.— Рог со временем теряет свои магические свойства. Его нужно...

— Активировать,— подсказал архимаг, глядя в огонь, который весело поедал дрова в очаге.

— Да. Магически подзаряжать через определенное время. Иначе все его свойства сойдут на нет. Сейчас Рог как раз слабеет, потому Неназываемый и зашевелился за Иглами Стужи. Нам нужно, чтобы ты достал артефакт для Ордена.

— А он что, не у вас? — опешил я.

В голове у меня крутилась сказка о том, как один солдат по своей глупости отдал самое ценное — свой меч — в руки врагу. Конечно же мне моя голова дороже, и я про эту сказку промолчал, хотя думаю, что гоблина она бы позабавила.

— В том-то и дело, что нет,— зло произнес Крыса.— А все по глупости Ордена.

— Орден сделал это из лучших побуждений! — резко вскинулся архимаг.

— То-то мы их и расхлебываем!

— Ваше дело, милорд Алистан, защищать жизнь короля и махать железякой, а не лезть в дела Ордена! — Старик просто кипел от возмущения. Его трясущаяся борода напомнила мне бороду доралиссца, у которого украли его самую любимую лошадь.

— Хватит! — расвирипел король. Теперь он несколько не походил на добродушного трактирщика.— Объясните вору его задачу.

— Около трехсот лет назад,— глухо начал Арцивус, бросив недобрый взгляд из-под седых бровей в сторону капитана гвардии,— Совет Ордена решил воспользоваться Рогом Радуги и уничтожить Кронк-а-Мор, который связывает Неназываемого с этим миром. У нас... У нас немного не получилось...

Алистан громко фыркнул.

— Вас, ваше магичество, только дипломатом в Мирануэх отправлять! Может, и Спорные земли получим! Немного... — хихикнул шут, смакуя это слово, но, встретив свирепый взгляд волшебника, заткнулся.

— Да... Ничего из нашей попытки не вышло. Мы пытались управлять магией огров, которой совершенно не знали. Где-то не там замкнули силовой поток или переместили опейрон на несколько градусов относительно пятой астральной позиции... М-да... — Арцивус понял, что стал заходить в никому, кроме него, не понятные дебри. — Все вышло из-под контроля, и магический всплеск ударил по Авендуму. Точнее, по его части. Той, которую теперь называют Закрытой территорией.

— Так вот каким образом она появилась... — протянул я.

— Понимаешь, как были бы благодарны жители славной столицы Валиоэтра, если бы они узнали, благодаря кому получили Пятнышко на карте? — Гоблин сделал большие глаза, превратив их в два голубых озерца.

Архимаг тяжело вздохнул — видно, шут успел достать не только меня — и продолжил:

— Орден решил от греха подальше спрятать Рог. Его зарядили, а потом отнесли к усыпальнице Грока да там и оставили. Вот, собственно, и вся история.

— И вы хотите, чтобы я добыл Рог из могилы? — удивленно спросил я. — Но зачем вам именно я? С этой работенкой справится любой могильщик, у которого есть лопата! И кстати, где похоронен Грок?

В маленькой комнате повисла напряженная и гнетущая тишина. Эльфийка и Арцивус изумленно переглянулись между собой. Граф Крыса криво улыбался, глядя на меня с презрением. Про шута и его отвисшую челюсть я вежливо промолчу. Лишь король все так же задумчиво крутил в руках мой нож, иногда бросая на меня взгляды и прикидывая, не ломаю ли я комедию.

— Гм-гм. Молодой человек, а вы вообще историю знаете? — осторожно спросил маг.

— Да на кой Х'сан'кор она мне сдалась?! Я же вор, а не ученая дева! — Я порядком устал от этого балагана.